

Ирина Ракша

Письма чужой жене

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-94
ББК 63.3-8
Р19

Р19 **Ракша И.**
Письма чужой жене / Ирина Ракша – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета:
ООО «Книга по Требованию», 2022. – 300 с.

ISBN 978-5-907564-62-6

"Роман-исповедь выдающегося российского писателя, лауреата государственных премий Ирины Ракши написан в бесценном эпистолярном жанре и рассказывает о странных причудах любви, соединившей автора с прекрасным курским писателем, мастером психологической прозы Евгением Носовым. Это роман о любви и эпохе мощного расцвета отечественной культуры послевоенного времени. Времени, которое диктует героям свои пути и законы."

ISBN 978-5-907564-62-6

© Lennex Corp, 2022
© И. Ракша, 2022

Серия
NON-FICTION
медали-премии им. Ивана Грозного

Серия
NON-FICTION
медали-премии им. Ивана Грозного

Ирина Ракша

ПИСЬМА ЧУЖОЙ ЖЕНЕ

Москва
Интернациональный Союз писателей
2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6
Р19

Ракша, Ирина

Р19 Письма чужой жене / И. Ракша. – Москва : Интернациональный Союз писателей, 2022. – 300 с. – (Non-fiction).

ISBN 978-5-907564-62-6

Роман-исповедь выдающегося российского писателя, лауреата государственных премий Ирины Ракши написан в бесценном эпистолярном жанре и рассказывает о странных причудах любви, соединившей автора с прекрасным курским писателем, мастером психологической прозы Евгением Носовым.

Это роман о любви и эпохе мощного расцвета отечественной культуры послевоенного времени. Времени, которое диктует героям свои пути и законы.

**УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6**

ISBN 978-5-907564-62-6

© И. Ракша, 2022

Я романов не пишу. Я бегун на короткие дистанции. Уже много лет пишу только «малую прозу». А это гораздо труднее, чем романистика. Тем более именно так сегодня диктует наш нервный, горячий и торопливый век. И эту новую форму я сочинила и впервые назвала «дневниковая проза». В ней есть и документ времени, и философия реализма. Плюс тайна и волшебство. Или, как точно сказал Поэт: «И творчество, и чудотворство».

Для меня эта сложная форма прозы самая оптимальная и любимая.

Мой первый классический роман «Белый свет» и роман этот – «Письма чужой жене» – как две опоры моста через долгую реку бытия. По форме они совершенно разные, но всё это я. Всё я. Именно об этом художник Юрий Ракша писал: «Как в зеркало мы смотрим в мир и отражаемся в нём. Произведение автора – это отражение мира, а значит, и его самого. И потому в каждом ищите художника, его Суть, его отражение. Он здесь...»

-Ирина Ракша-

К читателю

У Вас в руках редкая книга – роман не для всех. Хотя с увлекательным сюжетом и многими действующими лицами. Этот роман – исповедь (а исповедуются ведь не каждому) – написала Ирина Евгеньевна Ракша, известный русский прозаик, автор многих книг, изданных в России и за рубежом. Удостоена высоких государственных наград: лауреат многих премий, кавалер орденов, обладатель ряда медалей. За достижения в искусстве имя Ирины Ракши включено в различные энциклопедии, а также в Книгу рекордов России (2008 г.). Имеет звание академика. Её именем РАН назвала малую планету Солнечной системы № 5083 – Иринара.

В этом романе автор впервые публикует свои воспоминания о деятелях литературы XX века, с которыми свела её судьба. М. Светлов, М. Шагинян, Н. Хикмет, Б. Пастернак, А. Тарковский, В. Астафьев и др. А также – о ярком русском писателе наших дней Е. И. Носове (1925–2002), Герое Социалистического Труда, лауреате Государственной премии СССР.

Литературоведы могли бы считать период 1971–1973 годов малопродуктивным в творчестве мастера слова. Однако именно в эти годы Носов написал более сорока удивительных писем, являющихся украшением эпистолярного жанра, которые он посвятил одному человеку – коллеге Ирине Ракше. Но главное – его величеству Женщине, своей Музе, своей большой Любви.

Эти письма дороги не только своей исповедальностью. Их сопровождают и глубокие комментарии автора, и одновременно героя повествования. Бесценны и её откровенные размышления о времени, и штрихи к портретам друзей-современников. На страницах романа открываются души не только Е. Носова и И. Ракши, но проливается свет на судьбы самой страны. Надеемся, книга будет интересна и учёным, и широкому кругу читателей.

Итак, Вы на пороге увлекательного чтения и новых открытий!

ПИСЬМА ЧУЖОЙ ЖЕНЕ

Роман-исповедь о причудах любви

*Если жизнь тебя обманет,
Не печалься, не сердись!
В день уныния смирись:
День веселья, верь, настанет.*

*Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Всё мгновенно, всё пройдёт;
Что пройдёт, то будет мило.*

А. Пушкин

Сны мне прежде никогда не снились. А тут вдруг приснился Евгений Иванович Носов, курский писатель. Через сорок лет после нашего расставания. Вернувшись как-то домой в шумную Москву, на Ленинградку, на четырнадцатый этаж кооперативной квартиры, из лесной благодатной тиши своей истринской бревенчатой дачки, я в первую же ночь вдруг увидела этот сон. Да такой яркий, отчётливый. Хотя чёрно-белый. Как в немом кино.

Будто вхожу это я в какую-то заводскую столовую советских времён. Как бы «столовку». Кругом пусто. Потолки низкие-низкие, и почему-то кругом нет окон. В глубине, за кухонной стойкой раздачи, кто-то невидимый гулко гремит пустыми кастрюлями. (Очень знакомый в советские времена звук.) В зале полкафельный, квадратиками, столики алюминиевые, покрыты светлым пластиком. И за одним из них довольно близко от меня сидит Женя Носов. Как в кино говорят – «герой на среднем плане». Смотрит без удивленья. Широко улыбается и жестом приглашает сесть рядом. Он не в робе, не в куртке, которые так любил, а в знакомом мне лучшем своём, «свадебном», светло-сером костюме.

Как и прежде – грузный, грудастый, напоминающий матёрого лося из курских или брянских лесов. Хотя себя он порой называл и слонем, и медведем. И у этого «лося» – молодой, лукаво-радостный взгляд и счастливое выражение лица. И он очень, очень похож на актёра Форда. Есть такой в США широко известный актёр – Харрисон Форд. Можете посмотреть. Ну вылитый Носов, словно двойник. Вот и всё. Вот и весь сон.

Путру я очень разволновалась. Да и позже сон как-то не забывался, и я долго удивлялась этому видению, почти реальному, почти пророческому. Тем более сплю я обычно без снов, а тут вдруг такое. К чему бы, думаю... Правда, потом за суетой дел всё как-то отступило, померкло. Однако в жизни ничто не бывает случайным. Всё хорошее в жизни промыслительно. Да и плохое тоже. *(Фото 1.)*

А недавно позвонили из Государственного архива (РГАЛИ, ранее – ЦГАЛИ) и попросили дополнить, добавить что-нибудь к прежней, хранимой у них моей «коллекции» – из новых блокнотов, книг, рукописей. Я им пообещала.

И вот на днях дома, подставив стремянку, я полезла на антресоли, что над входной дверью. В свой домашний архив. Из глубины с трудом вытащила чемодан – очень старый, фибровый. Он тяжёл, запылён и утомительно допотопен. Уголки с металлическими накладками, запоры щёлкающие подломаны. Когда-то в незапамятные пятидесятые на алтайской «моей» целине я, романтическая столичная девочка, бабушкина любимица, с гордостью купила его в Бийске с первой своей получки. Зарплаты. А спустя время с ним же, полным дефицитных изданий подписной русской классики (нам, целинникам, книги продавались по льготам, а в Москве только лишь за талоны сданной макулатуры в двадцать кило), я вернулась в Москву, к маме и бабушке. Остался позади родной совхоз «Урожайный», который построили мы – юные энтузиасты – своими руками. Это было в степи, возле реки Катунь, недалеко от шукшинского села Сростки. А ещё я вернулась в столицу и с аттестатом зрелости (в селе Грязнуха, ныне Советское, окончила десятый класс), и с корочками механизатора «широкого профиля». *(Фото 2.)*

И ещё с серенькой трудовой книжкой, где красовались первые записи: «Почтальон... Учётчик пилорамы... Разнорабочая... Корреспондент газеты “За урожай”».

Из Москвы на целину уезжала послушная девятиклассница-отличница, профессорская внучка, игравшая в музыкальной школе Шопена и Моцарта, а вернулся сложившийся человек, гражданин труда, познавший землю не только ногами, но и руками, ладонями.

...А этот старый фибровый чемодан выбросить мне всегда было жалко. Как что-то родное, живое, как память о первых буранах в степи, об армейских палатках на десять коек, в которых мы жили с девушками. Потом – как память о первых журналистских командировках. Потом – о вузовских практиках (в Москве я поступила сперва на агрофак в ТСХА, потом с отличием окончила сценарный факультет ВГИКа, потом Литинститут, ВЛК). В общем, этот исторический чемодан был со мною бок о бок всю жизнь. Знал он пыль и грязь, жару и мороз, яранги белоснежного Заполярья, теплушки Певека, лесные палатки тайги. Ездил со мной и на гремющих дрезинах по БАМу, трясся в Саянах на вездеходах, летал на кукурузниках над Чукоткой. В общем, чемодан этот служил мне верно, был всегда нужен и предан. До тех самых пор, пока наконец замки его не сломались, запоры не отлетели. И он не сдал эстафету другим, уже новомодным, на колёсиках, импортно-клетчатым чемоданам. Тем, что стали со мной летать в иные края и веси. Даже в Рим, Париж и Пекин. А он, обиженный и разбитый, ушёл на покой вполне заслуженно. Был загружен всякой бумажной всячиной и надолго забыт на антресолях в московской квартире...

Не знаю, почему до сих пор поэты не сочинили какой-нибудь высокий мадригал или красивую оду Его Величеству Чемодану? Почему не воспели, к примеру, старинный саквояж начала века, чеховский? (Именно такой, кожаный дедушкин, какой я тоже храню до сих пор.) Или хотя бы не прославили вековую на Руси суму? Суму перемётную – перекинутую в дорогу через плечо и много чего повидавшую? Написал же, к примеру, великий Чехов в «Вишнёвом саду» высокопарное обращение своего героя Гаева к Его Величеству Шкафу!